

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Н.В. Филатова, Ф.Р. Филатов

Аннотация. Статья представляет собой попытку провести концептуальные и стилистические параллели между исторической наукой и психоанализом, а также обозначить некоторые перспективы их методологического взаимодействия. Теория исторической науки исходит из допущения, что назначением истории является, в частности, формирование коллективной и индивидуальной идентичности. В свою очередь, основанием этой идентичности служит историческая память – изменчивый, дискретный, нередко ложный (в соотношении с фактами) набор впечатлений и психологических установок относительно исторического прошлого, помимо прочего, искаженных вытеснением и отрицанием, отягощенных повторением коллективных травм. Подходя к истории как к идентичности-памяти-нарративу, мы неизбежно обращаемся к категориальному аппарату и методологии психоаналитических теорий. Может ли применение аналитического видения к историческому процессу в целом и отдельным его аспектам способствовать выработке более целостных образов прошлого? В статье рассмотрены этапы встречного движения исторической науки и психоанализа в XX в. и обозначен круг проблем, разработка которых требует обоюдных усилий специалистов-историков и психоаналитиков.

Ключевые слова: исторический психоанализ, история и психоанализ, психоистория, психодинамические факторы истории, историческая память, коллективная травма, идентичность.

Филатова Надежда Владимировна, аспирант ИИМО ЮФУ, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, contact@viaregina.ru.

Филатов Филипп Робертович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии ДГТУ, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, contact@viaregina.ru.

ON OPPORTUNITIES OF THE HISTORICAL PSYCHOANALYSIS

N.V. Filatova, Ph.R. Filatov

Abstract. The authors attempt to make conceptual and stylistic parallels between historical science and psychoanalysis, and also to outline some perspectives for their methodological interaction. The theory of historical science proceeds from the assumption that the purpose of history is creating collective and individual identity. The basis of this identity is historical memory, which is volatile, discrete, false (concerning historical facts) set of impressions and psychological attitudes, as well is weighed down by the neurotic repetition of collective traumas. Approaching history as “identity-memory-narrative”, authors inevitably turn to the categories and methodology of psychoanalysis. Does the application of analytical vision to historical process as a whole and to its specific aspects develop more holistic images of the past? The article discusses the stages of counter development of historical science and psychoanalysis in the 20th century and indicates the range of problems, which requires the mutual efforts of historians and psychoanalysts.

Keywords: historical psychoanalysis, history and psychoanalysis, psychohistory, psychodynamic factors of history, historical memory, collective trauma, identity.

Filatova Nadezhda V., Postgraduate Student, Institute of History and International Relations, South Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, contact@viaregina.ru.

Filatov Philipp R., Candidate of Sciences (Psychology), Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia, contact@viaregina.ru.

Взаимоотношения между психоанализом как школой герменевтики и исторической наукой складывались и не складывались на протяжении всего XX столетия, принимая крайние формы: от попыток междисциплинарного синтеза до антагонизма. Первоначально психоанализ был чужд исторической методологии в силу присущей ему тенденции замыкаться в узком с точки зрения историка кругу приватности. Ведь создатель психоанализа Зигмунд Фрейд был коллекционером темных семейных и личных историй своих безымянных, а порой и поименованных задним числом пациентов, кем-то, кто мог бы скорее претендовать на лавры новеллиста Стефана Цвейга, нежели «анналиста» Марка Блока. Казалось, клинические истории Фрейда, отличавшиеся крайней субъективностью и анонимностью материала, не могли привнести что-либо существенное в понимание исторического процесса.

Однако в 1910-е гг. психоаналитики в рамках предпринятой ими экспансии в сопредельные гуманитарные области распространили научные притязания и на владения историков. Такая экспансия оказалась осуществима благодаря аналогизирующему способу понимания индивидуальных и коллективных феноменов, который возобладал к тому времени в психоаналитической методологии. Аналогия между мышлением ребенка и магическими представлениями архаического человека, между сном взрослого индивидуума и символическими формами древней мифологии и современного художественного творчества, бредом душевнобольного и психическими проявлениями толпы постепенно стала ключевым объяснительным принципом психоанализа. Указанные аналогии сделали возможным широкий метафорический перенос из клиники в антропологию, что позволило трактовать исторические события и продукты культуры как «младенческие сны народа», проявления «психопатологии масс», результаты «коллективного регресса» к инфантильному преклонению перед вождем как заместителем отца и т. д. В 1913 г. З. Фрейд опубликовал эпохальный труд «Тотем и табу», предложив миру своеобразную психоаналитическую мифологию происхождения общества, религии и культуры. Описанная Фрейдом семейная драма братьев, восставших против отца, убивших, а затем обожествивших его, была провозглашена историческим первособытием, точкой отсчета всего исторического процесса [Фрейд, 1923]. Эта гипотетическая, недоказуемая и даже мифическая ситуация в духе античной трагедии проистекала, по Фрейду, из психологической необходимости, так же, как необходимость социальная побудила Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо ввести в качестве первособытия общественный договор.

Сопоставляя сны, детские грезы, коллективные фантазии, мифы, ритуалы, различные формы религиозного опыта, творения художников и поэтов, психоаналитики уже первого поколения (главным образом, самый авторитетный соратник Фрейда вначале и его наиболее последовательный оппонент впоследствии, К.Г. Юнг) исходили из допущения, что все эти разноуровневые и разномасштабные продукты человеческой деятельности имеют общий символический субстрат. Столь широкая аналогия, позволяющая сопоставлять эмпирический

материал клинического психоанализа с данными культурной антропологии, привела К.Г. Юнга к давней идее о единой первооснове психического. Эта гипотетическая первооснова скрыта от непосредственного наблюдения и лабораторного исследования, но она отчетливо проявляется на ранних этапах культурно-исторического развития человечества и онтогенеза. Фрейдом, Юнгом и другими психоаналитиками была взята на вооружение концепция рекапитуляции, т. е. «онтогенетического повторения филогенетической психологии у ребенка» [Юнг, 1994, с. 39]. Идея о том, что «во сне мы проходим весь урок прежнего человечества», обнаруживается, в частности, у Ф. Ницше [Ницше, 2007, с. 27]. В классическом труде К.Г. Юнга «Метаморфозы и символы Либидо» она звучит, как аксиома: в воображении современного человека в сгущенном виде представлена история коллективного душевного развития [Юнг, 1994]. Отсюда лишь один шаг к обоснованию коллективного измерения психического и к созданию Юнгом теории коллективного бессознательного. Итак, более глубокое психоаналитическое понимание мышления ребенка, воображения взрослого, психотического бреда пациента и иррационального поведения человеческих масс позволяет нам, согласно такой логике, лучше понять ранние периоды истории человечества, ибо детство, психическая болезнь, психология толпы и архаическая психология подчиняются общим механизмам и закономерностям. Таким был первый проект или, точнее, эскиз исторического психоанализа. Он увенчался фрейдовским мифом «о происхождении человеческой истории» из первичного, доисторического эдипального конфликта, а также юнговской концепцией сущностного единства явлений индивидуальной и коллективной психической жизни, в свете которой глобальная и приватная история могут быть соотнесены (как соотносятся древнее предание и сегодняшнее сновидение), ибо реализуют сходные архетипические паттерны и мотивы.

В 1920-е гг., когда пути Фрейда и Юнга окончательно разошлись, обозначив, казалось бы, непреодолимый разрыв между биологизаторским и культурно-историческим пониманием природы человека, в классическом психоанализе наступает эпоха кардинальной ревизии: фрейдовская теория подвергается критическому пересмотру в контексте ее внеисторичности. Внеисторичность классической версии психоанализа, прежде всего, связывалась критиками с притязанием на универсальность открытых механизмов, действующих по законам психической причинности выше, глубже или «по ту сторону» исторических процессов.

Талантливый советский критик Фрейда В.Н. Волошинов (лингвист и философ «круга Михаила Бахтина», под именем которого, возможно, печатался сам М. Бахтин) в 1928 г. четко сформулировал «основной идеологический мотив фрейдизма», ставший мишенью всей последующей марксистской критики психоанализа в Советском Союзе: «...существенно в человеке совсем не то, чем определяется его место и роль в истории, – тот класс, та нация, та историческая эпоха, к которой он принадлежит, – существенны только его пол и его возраст; все остальное – лишь надстройка над этим» [Волошинов, 1994, с. 272]. Волошинов

также перечисляет те метатеоретические изъяны психоанализа, которые делают его антагонистичным по отношению к исторической науке, по крайней мере, марксистского типа: игнорирование культурно-исторического контекста или «боязнь истории», переоценка благ частной, личной жизни, примат в человеке биологического и сексуального. Психоанализ Фрейда, согласно В.Н. Волошинову, противопоставляет мудрость и всемогущество природы (представленной в человеке его первичными бессознательными влечениями) «праздной и ненужной суете истории», а в центр нарратива помещает «абстрактный биологический организм», вынужденный невротически деформироваться в навязанных ему и всегда неблагоприятных культурно-исторических обстоятельствах [Волошинов, 1994, с. 273]. Эти обстоятельства во фрейдистской модели изначально отчуждены от заключенного в них субъекта, а формулой его отношений с тем, что выступает в психоанализе в качестве надстройки, служит констатированное Фрейдом «недовольство культурой».

Характерное для классического психоанализа игнорирование культурно-исторического контекста влечет за собой необоснованные экстраполяции и обобщения, среди которых первостепенное значение имеет признание Эдипова комплекса универсальным явлением или даже законом психического развития. Спорность подобных спекуляций выявили кросскультурные исследования 1920–1930-х гг., призванные верифицировать открытия психоанализа на неевропейском антропологическом материале. Данные Бронислава Малиновского и Маргарет Мид наглядно показали, что такое интрапсихическое образование, как Эдипов комплекс, формируется под определяющим влиянием особенностей культуры и характерных для нее систем родства, или не формируется вовсе там, где эти начальные социальные условия иные, чем в Вене времен Фрейда, и к тому не располагают [Мид, 1988; Малиновский, 1998]. Выясняется, что тип эмоциональных отношений со значимыми другими является функцией исторически обусловленной, культурно предопределенной семейной структуры, а не некоей универсальной формой организации первичных влечений.

Попытка преодолеть отмеченную Волошиновым «боязнь истории» была предпринята неотрейдистами К. Хорни, Э. Фроммом и Э. Эриксоном. Это поколение психоаналитиков подвергло существенной ревизии доктрину отца-основателя, сместив акценты с биологической сущности человека на историческую природу его психических свойств и функций. Так, Карен Хорни в своих трудах попыталась раскрыть культурно-историческую основу «неврозов нашего времени» [Хорни, 1993]. Согласно ее концепции, перипетии невротического развития современной личности предопределены задолго до ее рождения глобальными процессами становления европейских и американских сообществ, их укладом и ценностными системами. Отпадение от традиционной общинной структуры, индивидуализм и личная ответственность как принцип протестантской этики, присущий капитализму дух соперничества – вот те сугубо исторические тенденции, которые стали действенными факторами невротизации представителя западной культуры. Антагонизм

индивидуума-невротика и его социальной среды задан исторически и не переживается столь остро и болезненно в культурах, ориентированных на традицию, с иным вектором развития и иной картиной мира. В свою очередь, Эрих Фромм утверждал, что наиболее устойчивое психическое образование – характер человека – включает в себя относительно неизменное, общее для всех членов конкретной группы и типичное социальное ядро, которое является продуктом длительной истории класса, нации, культуры. Он ввел понятие «социальный характер», подразумевающее некоторую базисную психическую структуру, которая присуща большинству членов одной и той же культуры, в отличие от индивидуального характера, широко варьирующегося в пределах этой культуры. Подобно тому, как низшие психические функции эволюционным путем адаптировались к стабильным биологическим условиям человеческого существования, наиболее сложные, «высшие» формы психической деятельности, глубинные потребности, модели поведения, способы взаимодействия с предметным и социальным окружением исторически видоизменялись, приспособляясь к структуре конкретного общества [Фромм, 2007]. В самих обозначениях выделенных Фроммом типов социального характера, а также продуктивных и непродуктивных ориентаций – эксплуататорская, стяжательская, рыночная – сквозит марксистское понимание истории: Фромм был одним из наиболее ярких и ярых фрейд-марксистов, его теория стала образцом синтеза фрейдова и марксова учений. Ориентация психоанализа на историческое мышление нашла, пожалуй, наиболее последовательное воплощение в трудах Эрика Эриксона, посвященных соотношению детства и общества и формированию зрелой идентичности [Эриксон, 1996а, б]. Эриксон прослеживал взаимосвязь индивидуальных жизненных циклов и исторических процессов, ставил перед собой задачу, используя психоаналитическую методологию, показать, как различные племена и народности особым, исторически сложившимся способом эксплуатируют детство и используют присущие им практики воспитания для созидания идентичности и эмоциональной зрелости определенного культурно обусловленного типа. Наконец, он утверждал, что психоаналитик, интерпретирующий любые клинические данные, как «функцию прошлого опыта», представляет собой «необычный, возможно новый, тип историка» [Эриксон, 1996а, с. 23]. Психоаналитик изучает психологическую эволюцию и культурную историю через анализ конкретной личности; он оказывается частью изучаемого им исторического процесса и, как терапевт, должен осознавать собственную реакцию на наблюдаемое. В теории Эриксона центральным конструктом становится емкое понятие идентичности, подразумевающее одновременно чувство цельности, непрерывности во времени, самоидентичности конкретной личности и ее принадлежности к определенной социальной группе, профессиональному сообществу, этносу, классу, культуре. Личность стремится обрести себя и интегрироваться в уже сложившееся социальное целое, тогда как общество снабжает личность культурно предписанными инструментами самоопределения. В эпохи социальных кризисов эти инструменты перестают эффективно работать, и мучительный поиск идентичности как отдельных индивидуумов, так и целых групп, поколений оборачивается масштабными историческими последствиями. В свете этих представлений

Эриксон произвел психоанализ таких исторических персоналий, как мятежный Мартин Лютер и несгибаемый Махатма Ганди [Эриксон, 1996с]. Борьбой за новую идентичность (Лютер, протестантизм) или отстаиванием исходной, ущемляемой в сложившихся обстоятельствах (Ганди, еврейство, Холокост), диффузией или надломом идентичности (молодежные революции конца 1960-х), ее деформацией (германский национал-социализм) или трансформацией (метаморфозы гендера во второй половине XX в.) психоаналитик имеет возможность объяснить не только внутрличностные, но и масштабные общественные изменения.

Обширным эмпирическим материалом для подобного осмысления послужила Вторая мировая война, «клиническая картина» которой актуализировала концепты глубинной психологии масс, такие как коллективная травма, массовый психоз, массовые психические эпидемии, коллективная вина и т. д. Обсуждая допустимость применения категорий психопатологии к большой социальной группе – немецкой нации, а также постановки ей диагноза, К.Г. Юнг утверждал, что психоанализу в ближайшем будущем предстоит перейти от изучения личностных комплексов к постижению тех коллективных демонов, которых влекут массы [Юнг, 1945]. Без исследования этого нового рода одержимости, обернувшейся мировой бойней, не достижимо более глубокое понимание как исторических сдвигов и сломов, так и индивидуальной психологии с ее психотравмами и комплексами, нередко «унаследованными» от предыдущих поколений.

Вероятно, первое многообещающее рандеву психоанализа и исторической науки произошло в 1930-е гг., когда стало актуальным системное понимание германского фашизма (национал-социализма) как одновременно социокультурного, массового и психологического феномена. Одно из наиболее ранних психоисторических исследований массовой психологии фашизма было предпринято легендарным «Дон Кихотом психоанализа» Вильгельмом Райхом еще до прихода Гитлера к власти (1930–1933 гг.). Применяя обширные клинические познания для объяснения социально-политических и исторических явлений, Райх подверг критике слишком узкие, с его точки зрения, представления о фашизме как результате конкретного экономического и политического кризиса, или как идеологическом продукте отдельной партии, социальной группы, нации и эпохи. По мнению Райха, фашизм являет собой вызревающую веками иррациональную реакцию на подавление естественных потребностей т. н. «среднего человека»; это непосредственное, хотя и отсроченное во времени следствие репрессивных общественных механизмов и практик, деформирующих частную жизнь рядового обывателя и структуру его характера; наконец, фашизм есть производная авторитарных институтов капиталистической семьи, воспитания и церкви [Райх, 1997]. Еще раньше, чем Э. Фромм и Э. Эриксон, В. Райх попытался показать, что объяснительные конструкции клинического психоанализа вполне пригодны для выявления причин не только индивидуальных невротических страданий, но и актуальных исторических событий. Итак, первый проект исторического психоанализа был призван вскрыть начала и истоки человеческой истории по их отражениям в зеркале онтогенетического

развития условно нормальных и патологических индивидуумов. Второй же, «неофрейдистский» проект оказался самой «злой» динамикой мировых войн, массовых движений и революций переориентирован на осмысление того, как творится сегодняшняя история, и из каких психологических предпосылок вырастают те глобальные общественные перемены, надломы и катаклизмы, что станут предметом изысканий историков будущего.

На протяжении XX в. историческая наука и психоанализ неуклонно двигались навстречу друг другу, синхронно расширяя представления о собственном предметном поле и методологии. В этом схождении двух систем знания, исходно противоположных по своим концептуальным основаниям, можно усмотреть частный случай восходящего к Гераклиту принципа энантиодромии – «встречного бега крайностей». Так, в психоанализе наметился переход от сферы скрытой, «теневого приватности» к масштабным, выходящим за пределы кушетки и клиники, общественным процессам. В то же время, мастера исторического дискурса поставили перед собой противоположную задачу: выявить завуалированную психологическую подоплеку и показать, лишь на первый взгляд, малозначимую повседневную (семейную и личностную) изнанку глобальных мировых событий; вывести на историческую сцену прежде не бравшихся в расчет, в тени «пророков и героев» неприметных второстепенных персонажей, обывателей, «средних людей».

Идея тотальной истории, развиваемая первым поколением Школы «Анналов», исходила из принципа междисциплинарности и полидисциплинарности, из стремления преодолеть известную «аристократичность» персоналий и процессов, заслуживающих научного внимания. Проблематизировав историческую науку, сместив фокус анализа на имплицитные аспекты исторического процесса, Марк Блок и Люсьен Февр обозначили сразу несколько направлений исследований, реализованных последующими поколениями историков. Пионер истории ментальностей – Йохан Хейзинга – произвел масштабное исследование практик чувствования, переживания и сопереживания людей, живших и умерших, «когда мир был на пять веков моложе» [Хейзинга, 1995, с. 19]. Изменилось само концептуальное понимание человека в истории: на месте субъекта исторического процесса, «личности в истории» появляется индивидуум, действующий в матрице, заданной его коллективной физиологией и психологией. Этот подход не снижает, а, напротив, подогревает интерес исследователей к отдельным людям, рассматриваемым отныне в контексте, – как часть некоего группового исторического процесса, воплощенного в судьбах и творчестве отдельных представителей эпохи.

После потрясений 1930–1940-х гг. в научной среде наметилась реабилитация имплицитных аспектов истории, обозначилась тенденция к выявлению и пониманию истинного их значения не только в первобытных обществах, но, в первую очередь, в истории цивилизаций. Исследование теневых процессов потребовало настоящего методологического, категориального и стилистического переворота в гуманитарных науках XX в., значимой характеристикой которого стало возрастание внимания к опыту клинических, в первую очередь, психоаналитических исследований.

Историки середины XX в. по-новому «открыли» человеческое тело, признав наличие в нем субъектности и поддающихся анализу языков. Уже в 1930-е гг. появился особый жанр, объединяющий историческую науку, социологию и психоанализ – исследование телесности – нетривиальная попытка проследить влияние различных техник тела на культуру и историю. Марсель Мосс стал основоположником истории телесности – направления, предварившего исторический психоанализ, обеспечившего «легальный» с точки зрения академической науки диалог специалистов-историков и аналитически ориентированных психологов. Мосс (идеи которого, кстати, заинтересовали патриарха «психологии телесности», уже упомянутого В. Райха) обозначил три аспекта телесных практик: физиологический, психологический и социальный. В этой триаде психологический аспект, с одной стороны, обеспечивает адаптацию биологических потребностей к социальной ситуации, с другой – моделирует социум исходя из осознаваемых и бессознательных психических потребностей. Анализируя телесные практики как продукт коллективного творчества, М. Мосс предложил исследовательскую установку, позволяющую там, где раньше предполагались естественные процессы и феномены, усматривать исторически обусловленные явления [Мосс, 2011]. Его замечания относительно техник периода детства предвосхищают психоисторические исследования особенностей воспитания и взросления в различные эпохи. Исторический жанр исследований телесности испытал сильнейшее влияние психоаналитической теории, интерпретирующей тело главным образом как объект влечений и средство их удовлетворения. За пределами классического психоанализа наиболее полно эта идея была выражена Мишелем Фуко – философом, историком, социологом, археологом знания – крупнейшим междисциплинарным теоретиком XX в. Его «История сексуальности» живописует панораму побуждений, подавлений и регуляций плоти, включенных в универсально-человеческую матрицу «знания – власти – сексуальности». Анализируя телесные, потестарные и эпистемологические практики, Фуко акцентирует неприметные, но неперемные элементы истории и культуры. Рассуждая в рамках теоретической традиции, начало которой положили Маркс, Ницше и Фрейд, М. Фуко показал, что глубинное понимание новоевропейского человека оказывается так же невозможно без исследования клиники и тюрьмы (в качестве систем манипуляций субъектностью и телом), как оно невозможно без исследования парламентаризма и конституционализма. Новыми вершинами истории тела стали исследования Жака Ле Гоффа, Алена Корбена, Жан-Жака Куртина и Жоржа Вигарелло. Корифеи французской школы исследовали тело как совокупность идей, конфигурация и содержание которых обусловлены культурно-исторической моделью общества [Ле Гофф, Трюон, 2008; История тела, 2012–2016].

В 1960-е гг. историческая наука обратилась к опыту антропологии, в результате чего в следующем десятилетии получила дисциплинарное оформление историческая антропология, в рамках которой убедительно доказали свою академичность исследования сексуальности, поло-ролевых, детско-родительских отношений, коллективной травмы и коллективной памяти. Отдельным направлением

исторической антропологии стало исследование смерти и страха в различные эпохи, соотносимое с психоаналитической концепцией влечения к смерти и философской танатологией. Предложенное Филиппом Арьесом системное видение эволюции идеи смерти в качестве ключевой составляющей европейской ментальности невозможно без учета факторов коллективного бессознательно-го (в отличие, к примеру, от социологизирующего понимания смерти Мишеля Вовеля, основанного на различных «дизайнах» смерти для различных социальных групп) [Kselman, 2004, p. 169]. Умирание предстает у Арьеса как сексуально окрашенный процесс, вызывающий болезненное наслаждение у его свидетелей и порождающий целую традицию любования мучениями плоти, отраженную в европейском фольклоре, религиозном искусстве и практиках публичного наказания. Монография Ф. Арьеса, показавшая, как «Эрос и Смерть сближаются и проникают друг в друга», со временем стала для мира академической науки подлинным откровением [Арьес, 1992. с. 330].

Психоанализ интерпретирует страх как детерминанту психического развития индивидуума и группы и связывает его с подавлением первичных влечений, культурными запретами и репрессивными практиками. Проблема страха в исторических исследованиях разрабатывалась, в частности, Жаном Делюмо, который описал и классифицировал всевозможные страхи, захватившие средневековую и раннемодерную Европу [Делюмо, 1994]. Делюмо изучал символическое и предметное содержание страхов, от метафоры бескрайнего моря до панического бегства от чумы. Особый интерес представляет его анализ образа слуг дьявола – евреев, мусульман, еретиков и женщин, боязнь которых была обличена в наиболее интенсивные религиозные и мистические переживания. С 1970-х гг. европейская охота на иноверцев и ведьм привлекает повышенное внимание историков и других гуманитариев как идеологическая система, осмысленный выдающимися умами своего времени, теоретически обоснованный и внедренный в практику метод воздействия на общественное сознание. Однако в масштабе общества это, в первую очередь, способ преодоления неосознаваемых страхов и разрядки агрессивных импульсов. Истоки ведовской мифологии восходят к защитным механизмам человеческих коллективов, таким как вытеснение, демонизация и агрессия, направленная на уязвимых членов сообщества. Как представляется, именно исторический психоанализ имеет в распоряжении интерпретационную схему для понимания движущих сил и механизмов охоты на ведьм и других форм проявления дискриминации и коллективной агрессии.

В наши дни история все чаще признается дискурсом о памяти [Рюзен, 2001, с. 8], что, с одной стороны, в очередной раз порождает вопрос о ее научном статусе, а с другой – ставит историка-исследователя в весьма удобную позицию для наблюдения (также и за собой как за транслятором этого дискурса), – приема, которого раньше история была фактически лишена. Движение в сторону истории памяти, или мемориальный поворот, получило импульс еще в 1920-х гг. и связано с именем Мориса Хальбвакса, автора монографии «Социальные рамки памяти»

[Хальбвакс, 2007]. Согласно Хальбваксу, историческая память, будучи особым типом памяти, отвечает за формирование уникального контекста, осознаваемого как культурно-исторический ландшафт конкретной человеческой жизни. Механизмом воспроизведения исторической памяти, в свою очередь, служит придание личностного смысла событиям ушедшей эпохи. Таким образом, историческая память не только тесно переплетена с автобиографическими воспоминаниями, но и подвержена всем формам аббераций, встречающимся на индивидуальном уровне функционирования памяти. Пьер Нора вслед за М. Хальбваксом подчеркивает, что «существует сеть разных идентичностей, бессознательная организация коллективной памяти, которой мы позволяем осознать самое себя» [Франция-память, 1999, с. 48]. При этом традиционный инструментарий в целом малопригоден для эффективного исследования феномена исторической памяти: стремление рационально объяснить, вербализировать и концептуализировать прошлое оттесняет память как средство трансляции смыслов. Таким образом, центральная проблема исследования исторической памяти – это невозможность подобрать универсальный язык интерпретации нарративных исторических источников, выявить некий общий знаменатель в массиве индивидуальных представлений.

Одним из наиболее значимых аспектов изучения памяти является историческая травма, способы ее передачи, компенсации и отреагирования, все чаще привлекающие внимание современных историков и психоаналитиков. XX век обеспечил чрезвычайно обширный материал для изучения исторической травмы: к примеру, в рамках российской историографии память о тоталитаризме и межпоколенческие механизмы ее трансляции, историческая самооценка и влияние на нее коллективной травмы и политической мифологии исследуются Николаем Копосовым, автором монографии «Память строгого режима» [Копосов, 2011]. Коллективная и индивидуальная память создают собственный нарратив, часто не зависящий от содержания конкретного травматического события, наполненный актуальными смыслами и контекстами и оттого с трудом поддающийся дешифровке. Это актуализирует взаимодействие новой исторической науки и психоанализа, приоритетом которого является проблема нарушений памяти: амнезий, парамнезий, покрывающих воспоминаний, а также способов индивидуальной символизации и переработки прошлого опыта, смещений, сгущений и т. д.

Все описанные выше жанры исторических исследований в той или иной степени отразились в научном наследии Ллойда Де Моза, основателя психоистории – дисциплины, впервые намеренно соединившей научно-историческую и психоаналитическую методологию. Характерно, что родиной и мировым центром психоистории стали США, где различные направления глубинной психологии беспрепятственно укоренились и в научной среде, и в медицинском обслуживании, и в массовой культуре. Основная задача психоисторика – проследить не ход исторических событий, а их коллективно-психологическую мотивацию [Де Моз, 2000, с. 111]. Отсюда, согласно Де Мозу, проистекает способность психоистории, в отличие от других исторических дисциплин, к поиску закономерностей и

раскрытию причин в их «подлинно-научном» понимании. Мотивы масштабных исторических событий, к примеру, войн и революций, не сводимы к материальным соображениям, – их движущей силой являются переменчивые коллективные настроения и иллюзии, не подлежащие ни политическому, ни экономическому анализу. Собственное творчество Л. Де Моза сконцентрировано вокруг эдипальных конфликтов, групповых фантазий, коллективных травм, но главной темой его исследований остается история восприятия детства, в которой он усматривает культурно-психологическую подоплеку всего социального устройства и движущую силу его эволюции. Ллойд Де Моз внес значительный вклад в понимание психодинамических факторов истории; однако следует отметить, что он склонен чрезмерно индивидуализировать исторический процесс, в то же время тяготея к малопродуктивным свербобщениям (к примеру: всякая война, как апогей кризисного состояния, бессознательно тождественна прохождению через родовый канал) [Де Моз, 2000, с. 123–130].

Научная психоисторическая школа находится в процессе своего становления. В ее рамках работает целый ряд историков, психоаналитиков и социологов, постоянно уточняющих предметную область и демонстрирующих самый широкий круг исследовательских интересов. Для психоистории в целом характерно общее смещение фокуса в область социально-психологических феноменов. Так, рассуждая об исторических корнях европейской идентичности, американский психоисторик Рудольф Бинион акцентирует внимание не столько на общепринятых культурно-исторических «визитных карточках» Европы, среди которых христианство, феодализм, готика, банковское дело и т. д., сколько на совместно прожитом травматическом опыте. Переживание этого опыта представляет собой групповой процесс, обеспечивающий психологическую взаимосвязь внутри большой группы, «члены которой могут действовать совместно, не осознавая этого, если их коренные заботы совпадают» [Бинион, 2005]. Такая взаимосвязь реализуется, в первую очередь, через механизм коллективной памяти, формируемой и деформируемой общим прошлым. В качестве точек отсчета в процессе формирования европейской идентичности Р. Бинион рассматривает эпидемии чумы, бушевавшие в Европе с середины XIV до второй половины XVIII вв. – внезапные вспышки мора, поражающего представителей различных этнических и социальных групп, объединяющего свои жертвы лишь по признаку совместного проживания.

Разрешая противоречие между индивидуумом и группой, психогенная теория истории прослеживает соотношения традиций воспитания, психобиографий взрослых и групповых фантазий, воплощенных в социальных взаимодействиях. Все три направления исследований остаются приоритетными для Международной психоисторической ассоциации¹. Решая эти задачи, психоисто-

¹ Приведем в пример несколько работ ее представителей: Cohn N. *Europe's Inner Demons*. New York: Basic Books, 1975. 302 p.; *The Battered Child*, ed. Ray E. Helfer and Ruth S. Kempe. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 470 p.; Beisel D.R. *The Suicidal Embrace: Hitler, The Allies, and the Origins of the Second World War*. New York: Circumstantial Productions, 2003. 399 p.

рики используют инструмент аналитического видения самых разнообразных коллективно-психологических процессов и явлений, от нюансов ритуального поведения до геноцида. При этом исследователь рассматривается как единица аналогичных по своей природе коллективно-психологических процессов, результирующей которых выступает предмет его изучения. Следует отметить, что отличительной чертой психоисториков является конструктивное отношение к интуитивному подходу и «научному эмоциональному отождествлению» с накопленным материалом [Де Моз, 2000, с. 134]. Историческое осмысление приобретает сходство с ассоциативным методом в психоанализе: в результате свободного потока ассоциаций вокруг исследуемой проблемы возникает ее целостное видение. Иными словами, коллеги Де Моза формируют осознанный образ бессознательных явлений прошлого, определяющих настоящее: «Историкам свойственно скорее делать переоткрытия, чем открытия – они открывают то, что мы все уже знаем и чему следуем в своих поступках» [Де Моз, 2000, с. 134–135].

Методологические устремления последних поколений историков направлены на преодоление неполноты психологических образов прошлого. В конце 1980-х гг. дисциплинарно оформился жанр новой культуральной истории, основанной на гипотезе, что исторический облик эпохи определяют в большей степени коллективные эмоции и ментальность. Новая культуральная история предлагает историко-психологический и историко-психоаналитический взгляд на традиционные темы исторических исследований: так, история войны исследуется как история насилия, история этикета – как история эмоций, история искусства – как история восприятия [Берк, 2016, с. 165–175]. Одним из теоретиков новой культуральной истории стала гендерный историк Джоан Скотт, которая рассматривает процесс историописания и – шире – репрезентации прошлого в свете «психоанализа отношений субъекта и объекта властных практик». Это отсылает нас к проблеме моделирования и интерпретации прошлого в исторических исследованиях. Дж. Скотт задается вопросом: действительно ли исторические факты определяют интерпретацию прошлого, а не наоборот [Scott, 2014, p. 64]? Н.Е. Копосов в свою очередь подчеркивает, что изучение традиций и норм историописания требует «проблематизации сознания исследователей», в частности, понимания причин, в силу которых происходит вытеснение тех аспектов исследуемой проблематики, которые наиболее психологически травматичны для автора [Копосов, 2001, с. 295].

Наряду с когортой современных историков, признающих психодинамические факторы исторического процесса, на сегодняшний день существует несколько научных школ и периодических изданий, посвященных взаимосвязи истории и психоанализа. Большинство из них разрабатывает проблематику становления и развития международного психоаналитического движения и того идейного влияния, которое оно оказало на социальные и гуманитарные науки XX и начала XXI вв. Так, университет Эдинбурга издает журнал «Психоанализ и история», «посвященный изучению истории и психоанализа, а также применению психоанализа

к историографии» [Psychoanalysis and History]. Проблему соотношения истории и психоанализа также затрагивают социальные историки Билефельдской школы, к примеру Ганс-Ульрих Велер; Йорн Рюзен и Юрген Штрауб предложили собственное аналитическое видение исторического мышления, идеологических аспектов исторической памяти и коллективной идентичности [Wehler, 1980; Dark Traces of the Past, 2011]. Швейцарский психоаналитик Сабина Рихебехер активно разрабатывает историю российского психоанализа 1910–1930-х гг. и влияния на него революционных событий [Рихебехер, 2005]. Исследователи этой группы исходят из тезиса, что психоанализ как форма знания и дискурсивная практика является не только инструментом научного познания, но и зеркалом истории: то, каким образом понимается психическое, природа человека, его детство, семейные отношения, закономерности развития, характеризует не только историю идей и социальных институтов, но и само существо эпохи. Психоаналитическая репрезентация сексуальности и, шире, человеческой природы, диссоциированной на сознание и бессознательное, постепенно становится элементом дискурсов власти и инструментом управления, регулирования, манипулирования.

Тем не менее, между исторической наукой и психоанализом сохраняется очевидный концептуальный параллелизм, т. е. дистанция между ними фактически не сокращается. Главным для историков остается вопрос, каким образом они могут встроить бессознательное в свои концептуальные модели, а не вопрос, является ли бессознательное актором социальной реальности. Ведь историко-теоретические системы в целом не предполагают наличия неартикулируемых движущих сил исторического процесса, исследование которых требует совершенно не привычного для историков инструментария. Историки прислушиваются к попыткам психоаналитиков интерпретировать отдельные феномены, в оценке которых достигнута некая конвенция относительно их патологической природы: крестовый поход детей, тарантизм, ведьмomanия, вспышки религиозного фанатизма, Холокост. Однако когда речь идет об историческом процессе как таковом, влияние бессознательных психических механизмов чаще игнорируется или выносится за скобки. Признание иррационального начала в истории сопряжено с определенным сопротивлением. В этом смысле исторический психоанализ мог бы стать для историка средством не только познания прошлого, но и самопознания, понимания того, «как я пишу историю».

Подытоживая краткий обзор научных предпосылок и этапов становления исторического психоанализа, обозначим те ключевые темы и направления исследований, которые определяют на сегодняшний момент его проблемное поле.

1. Восприятие исторического времени и его искажения². Время, которым оперируют историки, как отмечалось не раз, имеет весьма опосредованное отношение к астрономическому времени. Оно так же сгущается, спрессовывается, иногда

² Проблематика исторического времени всестороннее освещается в монографии В. А. Шкуратова «Историческая психология».

неимоверно растягивается, как и время сновидений. Проблема искажения исторического времени зачастую обусловлена объективными факторами, в первую очередь, наличием или отсутствием достаточного количества источников, отражающих конкретный период. Однако искажения восприятия исторического времени могут быть обусловлены и собственным опытом историографов, их установками, личностными смыслами, ценностными ориентациями и, не в последнюю очередь, неосознаваемыми защитами, такими как вытеснение, отрицание, избегание болезненных тем, рационализация и т.д. Сновидный характер исторического времени, смешение прошлого и настоящего, проекция в прошлое современных идеологем, перенос из прошлого в настоящее непреодоленных психотравм, навязчивое повторение прошлых исторических сценариев – вот та область, в которой может быть востребован инструментарий психоанализа.

2. Историческая память и ее нарушения. В эту рубрику попадает освещенная выше проблематика ложных воспоминаний и «белых пятен», связи исторической памяти и идентичности, взаимнообратимости их отношений, а также вопросы, затрагивающие психические механизмы и способы хранения и трансляции исторического опыта. В частности, лакуны в исторической памяти обусловлены желанием вычеркнуть из нее травматический опыт и сформировать более уважаемую коллективную идентичность, психологически комфортную для всех ее носителей.

3. Коллективная идентичность. Историков и психоаналитиков объединяет постулат: настоящее является продуктом прошлого, не в физикалистском, но в смысловом отношении. То есть историческая память и идентичность могут быть друг для друга одновременно и причиной, и следствием. Так, процесс формирования идентичности группы является фактором написания ее истории в той же мере, в какой эта история формирует указанную групповую идентичность³.

4. Соотношение события и нарратива. При анализе нарративных источников также допустима аналогия с символической работой сновидения, уместна психоаналитическая постановка вопроса: о чем историк пишет и что он утаивает, замалчивает, как его личное бессознательное и бессознательное его группы влияют на создаваемый им текст. Таким образом, воздействие бессознательного психического двояко: с одной стороны, оно моделирует коллективно-психологические процессы, с другой – их последующую интерпретацию. Бессознательное является соавтором и конкретного исторического события, и его описания. Кроме того, в свете психоанализа разрыв между фактом и его описанием сам по себе является чем-то симптоматическим и требует отдельного исследования.

5. Исторический психоанализ детства. В данном случае подразумевается исследование исторически сложившихся практик подавления первичных инфантильных побуждений и ранней травматизации, а также влияния исторических

³ Подробнее о взаимнообратимости памяти и исторической самооценки см.: Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

процессов на характер объектных отношений ребенка с его ближайшим окружением. Отдельная перспективная тема в рамках этого направления – сексуализация ребенка, т. е. техники формирования гендерной идентичности, общепринятые в различные исторические эпохи.

6. Коллективные травмы и исторически сложившиеся способы их компенсации. Исторический процесс в его кризисных и переломных точках на психологическом уровне может исследоваться как процесс глобальной, или коллективной травматизации. Эпидемии, религиозные, локальные и мировые войны, революции, мировоззренческие надломы, крах идеологических систем и др. катаклизмы, наблюдавшиеся в эпоху Модерна, породили эмпирически фиксируемые травматические эффекты, след которых обнаруживается в культуре и психологии современного человека. Особый интерес представляют доступные в конкретную эпоху способы преодоления и компенсации этих травматических переживаний.

7. Коллективные страхи и, шире, коллективные эмоции. Исторические события могут исследоваться также в аспекте сложной динамики и амбивалентности коллективных настроений и эмоций, в которой ведущую роль играют массовые страхи, переживаемые целыми сообществами чувства вины и неполноценности⁴ и т. д. Согласно психоаналитическому пониманию, каждая эпоха формирует как предметное содержание страха, паттерны его переживания и символического отыгрывания, так и способы его преодоления в религии, идеологии, философии, литературе и иных сферах социального опыта.

8. Коллективная психопатология. Аналитически-ориентированные исследования предполагают постановку вопроса об аномальном характере тех или иных исторических процессов, по аналогии с психическими аномалиями. Гипотеза о психопатологии больших групп является не оценочно-диагностической, а скорее, динамической: как и психика, развивающаяся социальная система подвержена кризисам и рискам деградации. Однако остается не решенной проблема четких критериев, позволяющих признать аномальной конкретную тенденцию исторического развития, что делает данную тематику наиболее дискуссионной.

9. Парапраксис масс, социальных групп и отдельных исторических деятелей. В психоанализе парапраксисом называется сфера ошибочных действий человека, имеющих скрытую мотивацию. Парапраксис в истории – это совокупность групповых фантазмов и иллюзий восприятия исторических событий, которые обусловлены бессознательными механизмами и имеют значимые последствия для поведения социальных групп. Несмотря на стремление создать стройную и целостную картину прошлого, все же вероятно, что исторический процесс во многом определяется разнообразными формами парапраксиса, для изучения которых пока не выработаны адекватные методы.

⁴ Показательным примером влияния коллективных эмоций на национальную идентичность может служить т. н. историческая вина Германии.

Исторический психоанализ ищет код к пониманию человеческой приватности, к той тайной стороне индивидуальной и коллективной жизни, которая скрыта как от историков, так и от психологов. Попытки понять таинства душевной жизни и исторического процесса сопряжены со значительными методологическими трудностями. Не претендуя на создание нового метатеоретического основания исследований, психоанализ может служить дополнительным средством постижения того, под влиянием каких психологических факторов творится и пишется история.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 608 с.
- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
- Берк П. Что такое культуральная история? М.: ВШЭ, 2016. 240 с.
- Бинион Р. Европейская идентичность: исторические корни / пер. О. Шутовой, 2005. URL <http://www.shutova.com/ru/translation-rudolph-binion-european-identity> (дата обращения 30.08.2017).
- Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. С. 269–346.
- Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
- Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 408 с.
- История тела / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина и Ж. Вигарелло. Т. 1–3. М.: Новое литературное обозрение, 2012–2016.
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. М.: Текст, 2008. 189 с.
- Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. С. 304–326.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов. М.: Академический проект, 2007. 327 с.
- Райх В. Психология масс и фашизм. М.: Университетская книга, 1997. 380 с.
- Рихебехер С. Сабина Шпильрейн. «Почти жестокая любовь к науке». Цюрих, Издательство Dorlemann, 2005. 396 с.
- Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) //

- Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 7. М., 2001. С. 8–26.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
- Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. Петроград: Государственное издательство, 1923. 171 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2007. 624 с.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Хейзинга И. Осень средневековья. Т. 1. М.: Прогресс-Культура, 1995. 416 с.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 5–220.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015. 244 с.
- Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: АСТ, 1996. 592 с.
- Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд Медиум, 1996. 512 с.
- Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: ВЕИП, 1994. 415 с.
- Юнг К.Г. Интервью 11.05.1945. – URL: <http://www.psychologies.ru/> (дата обращения 12.09.2017).
- Beisel D.R. *The Suicidal Embrace: Hitler, The Allies, and the Origins of the Second World War.* New York: Circumstantial Productions, 2003. 399 p.
- Cohn N. *Europe's Inner Demons.* New York: Basic Books, 1975. 302 p.
- Dark Traces of the Past: Psychoanalysis and Historical Thinking.* Ed. by Jürgen Straub and Jörn Rüsen. Oxford: Berghahn Books, 2011. 232 p.
- Kselman T. Death in the Western World: Michel Vovelle's ambivalent epic *La mort et L'Occidente, de 1300 a nos jours // Mortality.* 2004. Vol. 9. P. 168–176. *Psychoanalysis and History.* Edinburgh University Press.
- Scott J.W. The incommensurability of Psychoanalysis and History // *Psychology and History: Interdisciplinary Explorations.* Cambridge University Press, 2014. P. 40–64.
- The Battered Child,* ed. Ray E. Helfer and Ruth S. Kempe. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 470 p.
- Wehler H.-U. Psychoanalysis and History // *Theory and Social History.* 1980. Vol. 47. No. 3. P. 519–536.

REFERENCES

Ankersmit F.R. *Vozvysennyj istoricheskij opyt* [Sublime Historical Experience]. Moscow: Evropa, 2007. 608 p. (in Russian).

- Ar'es F. *Chelovek pered licom smerti* [Man in the face to Death]. Moscow: Progress; Progress-Akademija, 1992. 528 p. (in Russian).
- Burke P. *Čto takoe kul'tural'naja istorija?* [What Is Cultural History?]. Moscow: VShJe, 2016. 240 p. (in Russian).
- Binion R. *Evropejskaja identičnost': istoričeskie korni* [European identity: its historic origins] / per. O. Shutovoj, 2005. URL <http://www.shutova.com/ru/translation-rudolph-binion-european-identity/> (data obrashhenija 30.08.2017) (in Russian).
- Voloshinov V.N. Frejdzizm. Kritičeskij očerok [Freudianism. Critical essay] , in: *Zigmund Frejd, Psihoanaliz i russkaja mysľ* / [Sigmund Freud, Psychoanalysis and Russian thought]. Moscow: Respublika, 1994. P. 269–346 (in Russian).
- De Mause L. *Psihoistorija* [Foundations of Psychohistory]. Rostov-on-Don: Feniks, 2000. 512 p. (in Russian).
- Deljumo Zh. *Uzhasy na Zapade* [Horrors in the West]. Moscow: Golos, 1994. 408 p. (in Russian).
- Istorija tela* [History of Body] / pod red. A. Korbenja, Zh.-Zh. Kurtina i Zh. Vigarello. T. 1–3. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012–2016 (in Russian).
- Koposov N.E. *Kak dumajut istoriki* [How do Historians think]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 326 p. (in Russian).
- Koposov N.E. *Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii* [Strict regime Memory: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 p. (in Russian).
- Le Goff Zh., Trjuon N. *Istorija tela v Srednie veka* [History of Body in Middle Ages]. Moscow: Tekst, 2008. 189 p. (in Russian).
- Malinowski B. *Magija. Nauka. Religija* [Magic, Science and Religion and Other Essays]. Moscow: Refl-buk, 1998. 288 p. (in Russian).
- Mead M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and World of Childhood]. Moscow: Nauka, 1988. 429 p. (in Russian).
- Moss M. *Tehniki tela / Obshhestva. Obmen. Lichnost'* [Techniques of the Body / Society. Exchange. Personality]. Moscow: KDU, 2011. P. 304–326 (in Russian).
- Nicshe F. *Chelovečeskoe, slishkom chelovečeskoe: kniga dlja svobodnyh umov* [Human, too Human: a Book for free Minds]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2007. 327 p. (in Russian).
- Rajh V. *Psihologija mass i fashizm* [Mass Psychology and Fascism]. Moscow: Universitetskaja kniga, 1997. 380 p. (in Russian).
- Rihebeher S. *Sabina Shpil'rejn. «Pochti zhestokaja ljubov' k nauke»* [Sabina Spielrein. "Almost a cruel love of Science"]. Cjurih: Izdatel'stvo Dorlemann, 2005. 396 p. (in Russian).
- Rjuzen J. *Utrachivaja posledovatel'nost' istorii* [Losing the consistency of History], in: *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*. Vyp. 7. Moscow, 2001. P. 8–26 (in Russian).

- Francija-pamjat'* / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh [France-Memory]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. 328 p. (in Russian).
- Frejd Z. *Totem i tabu: Psihologija pervobytnoj kul'tury i religii* [Totem and Taboo]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 171 p. (in Russian).
- Fromm Je. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics]. Moscow: AST, 2007. 624 p. (in Russian).
- Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamjati* [Social frames of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (in Russian).
- Hejzinga I. *Osen' srednevekov'ja* [Autumn of Middle Ages]. T. 1. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. 416 p. (in Russian).
- Horney K. *Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz* [The Neurotic Personality of our Time]. Moscow: Progress-Univers, 1993. P. 5–220 (in Russian).
- Shkuratov V.A. *Istoricheskaja psihologija. Kniga pervaja. Vvedenie v istoricheskiju psihologiju* [Historical psychology. The First book. Introduction to historical psychology]. Moscow: Kredo, 2015. 244 p. (in Russian).
- Erikson E.H. *Detstvo i obshhestvo* [Childhood and Society]. SPb.: AST, 1996. 592 p. (in Russian).
- Erikson E.H. *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (in Russian).
- Erikson E.H. *Molodoj Ljuter. Psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie* [Young Man Luther. A Study in Psychoanalysis and History]. Moscow: Moskovskij filosofskij fond Medium, 1996. 512 p. (in Russian).
- Jung K.G. *Libido, ego. Metamorfozy i simvol'y* [Libido, Ego. Metamorphosis and Symbols]. SPb.: VEIP, 1994. 415 p. (in Russian).
- Jung K.G. *Interv'ju 11.05.1945*. URL: <http://www.psychologies.ru> (data obrashhenija: 12.09.2017) (in Russian).
- Beisel D.R. *The Suicidal Embrace: Hitler, The Allies, and the Origins of the Second World War*. New York: Circumstantial Productions, 2003. 399 p.
- Cohn N. *Europe's Inner Demons*. New York: Basic Books, 1975. 302 p.
- Dark Traces of the Past: Psychoanalysis and Historical Thinking*. Ed. by Jürgen Straub and Jörn Rüsen. Oxford: Berghahn Books, 2011. 232 p.
- Psychoanalysis and History*. Edinburgh University Press.
- Kselman T. Death in the Western World: Michel Vovelle's ambivalent epic La mort et L'Occidente, de 1300 a nos jours, in: *Mortality*. 2004. Vol. 9. P. 168–176.
- Scott J.W. The incommensurability of Psychoanalysis and History, in: *Psychology and History: Interdisciplinary Explorations*. Cambridge University Press, 2014. P. 40–64.
- The Battered Child*, ed. Ray E. Helfer and Ruth S. Kempe. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 470 p.

Wehler H.-U. Psychoanalysis and History, in: *Theory and Social History*. 1980. Vol. 47. No. 3. P. 519–536.